

Ольга Владимировна ХлебниковаОмский государственный университет путей сообщения, доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории, философии и культурологии, Омск, Россия
e-mail: hlebnikova_ov@mail.ru

Метаморфозы культурных смыслов в контексте клиповой самоидентификации

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных принципов образования и функционирования культурных смыслов в контексте действия установок клиповой самоидентификации. Изучаются эффекты образности клипового мышления. В статье показывается роль сетевой литературы как сферы интерактивного взаимодействия потребителей символического контента по поводу его распространения и приумножения. Раскрывается сущность превращения смысла внутри логики работы клипово организованного Я из «исторической» конструкции в «шизофреническую». Исследуются такие аспекты этого превращения, как отождествление ситуации реализации права человека и события «наступления» нужной осмысленности осуществленных действий, наличие убежденности в полноте свободы принимать личное желаемое за реальность, присутствие «исторического» в дискурсе «шизофренического» в качестве чуждого Иного, предвзятость «шизофренической» трактовки «исторического» как псевдосистемы утраченных референтов. Делается вывод о необходимости возвращения к подлинно историческим репрезентациям в наиболее важных социокультурных практиках.

Ключевые слова: культурное смыслообразование, клиповая самоидентификация, клиповое мышление, образность мысли, сетевая литература, «историческое», «шизофреническое».

Olga V. KhlebnikovaOmsk State Transport University, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Omsk, Russia
e-mail: hlebnikova_ov@mail.ru

Metamorphoses of Cultural Meanings in the Context of Clip Self-Identification

Abstract. The article is devoted to the analysis of certain principles of the formation and functioning of cultural meanings in the context of the action of clip self-identification intentions. It studies the effects of imagery of clip thinking. The article shows the role of network literature as a sphere of interactive interaction between consumers of symbolic content regarding its distribution and multiplication. It reveals the essence of the transformation of meaning within the logic of the work of the clip-organized Self from a “historical” construction into a “schizophrenic” one. Such aspects of this transformation are explored as the identification of the situation of the implementation of human rights and the event of the “materialization” of the necessary meaningfulness of the actions taken, the presence of conviction in the completeness of freedom to accept personal desires for reality, the presence of the “historical” in the discourse of the “schizophrenic” as an alien Other, the bias of the “schizophrenic” interpretation of the “historical” as a pseudo-system of lost referents. The article concludes about the need to return to truly historical representations in the most important sociocultural practices.

Keywords: cultural meaning making, clip self-identification, clip thinking, imagery of thought, online literature, “historical”, “schizophrenic”.

Введение (Introduction)

Вся гипотетическая целостность личности человека — в сумме его сознания, мышления, социальных ролей и идентичностей — выступает условным зеркалом для той культурно-исторической эпохи, внутри которой эта личность существует и действует. Каждая такая эпоха предполагает существование некоторой системы культурных

смыслов, определяющих актуальные мировоззренческие, аксиологические и смысложизненные ориентации. Наша современность, маркируемая в различных исследовательских трудах терминами «постмодерн», «постпостмодерн», «метамодерн», «гипермодерн» и пр., с очевидностью способствует складыванию достаточно специфического бытийного пространства, в котором всякий человек может жить,

© Хлебникова О. В., 2024

Для цитирования: Хлебникова О. В. Метаморфозы культурных смыслов в контексте клиповой самоидентификации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (45). С. 64–69.
DOI: 10.36809/2309-9380-2024-45-64-69

мыслить, принимать значимые решения, формулировать ответственные гражданские позиции и напрямую участвовать в общественных практиках исключительно в русле работы соответствующих специфических же глобальных закономерностей.

К последним необходимо отнести, прежде всего, устойчивость того разочарования, которое в наши дни испытывает человек, обнаруживающий «пустоту» в любом месте, где он всерьез «рассчитывал отыскать некое человеческое содержание» [1, с. 77]. Причем для описания конфигурации подобной «пустоты» разного рода интеллектуалы сейчас все чаще используют понятие «клиповость»: речь ведется о таких сопряженных друг с другом вещах, как клиповая культура, клиповое сознание, клиповое мышление и, наконец, клиповая самоидентификация *per se*.

В данном всеобщем контексте клиповость следует понимать как отсылку к фактической замене, явным порядком случившейся в современном мире (в силу совокупного срабатывания всех возможных онтологических, логических, исторических и информационных причин), реальной человечности на своеобразную игру в нее [2, с. 8–12]. В чистом виде термин «клип» здесь выступает указанием на минимальную совокупность достаточного количества наглядных образов, способную полноценно симулировать (перед лицом человека и общества) будто бы случившийся смысл. Если воспользоваться риторикой классиков постмодернистской философии, то можно сказать, что клип — это псевдосистема следов, имитирующая тот или иной заверченный смысл, превращающая его в голый симулякр.

Клиповая самоидентификация, следовательно, есть, по сути, форма иллюзорной тождественности человека самому себе, симуляция личности, выдающая за нее простую сумму «пустых» клипов. Надо понимать, что клиповый характер самоидентификации ведет к тому, что все наличные конкретные разновидности человеческой идентичности, включая национальную, религиозную, региональную и т. п., переживаются сейчас зачастую также клиповым образом, поскольку в конечном счете в основе этих идентичностей лежит именно клипово организованное Я, чьей «естественной» средой обитания является, собственно, клиповая же культура.

Необходимо, таким образом, констатировать, что общая клиповая логика современности признает в качестве легитимных правил любых превращений культурных смыслов некий набор максим и презумпций, который в значительной степени отличается от аналогичных исторически предшествующих («не клиповых») наборов. Клипово организованное Я (через соответствующее мышление) работает с культурными смыслами радикально по-другому, чем иные его формы. Указанные обстоятельства превращают изучение принципов этой работы в чрезвычайно актуальную задачу. Настоящая статья посвящена рассмотрению отдельных подобных принципов.

Методы (Methods)

Методологическими основаниями заявленного исследования станут, во-первых, феноменология, поскольку разговор в ней пойдет о культурном смыслообразовании

как о процессе становления и существования феноменов сознания, а во-вторых, постструктурализм и постмодернизм, поскольку сама концептуализация вопроса о наличных метаморфозах культурных смыслов будет следовать здесь их логике, риторике и тезаурусу.

Литературный обзор (Literature Review)

В действующем философском поле одним из влиятельных авторов, исследовавших проблематику смыслообразования в целом, может считаться Ж. Деррида. Он предлагал рассматривать всякую качественную определенность вообще мира, т. е. его смысл, как эффект осознания человеком (в фокусе его личных ценностей) и культурой (в логике конструирования признанных универсалий) реально случившегося. При этом само понятие «смысл» он интерпретировал как «поверхностный эффект текста», как «искаженное отражение письма» [3, с. 440]. Речь тут идет, с одной стороны, об отождествлении бытийного и феноменально явленного, а с другой стороны, о трактовке любых феноменов исключительно в контексте их символической («текстовой», «письменной») представленности. Смысл, следовательно, оказывается будто бы всегда отложенным во времени, случаемся *post factum*. Смысл здесь выступает в качестве акта решающего «насилия», связанного с приписыванием определенного содержания изначально неопределенным, нейтральным событиям [4, с. 255–256]. При этом Деррида считает, что с наступлением эпохи постмодерна ситуация в области практического смыслообразования в значительной степени усугубляется, поскольку в силу действия соответствующих информационных технологий, специфической организации всего социокультурного пространства и очевидной расколотости человека как призрачного субъекта распадающегося сознания смысл превращается в достаточно произвольную и эфемерную величину.

Еще одной яркой попыткой масштабной рефлексии над фактической логикой смыслообразования являются размышления Ж. Делеза по поводу того, что он называет «парадоксами смысла». В частности, он пробует оттолкнуться от классической традиции аналитики смысла как производной значения с тем, чтобы, выйдя за ее рамки, рассмотреть смысл в качестве чистого события, в качестве спонтанно проявляющегося на «поверхности бытия» фантазма, который, будучи укорененным в бессознательном, прорывается в финале сквозь «завесу» языка, чтобы парадоксальным образом стать самим собой [5, с. 7]. Здесь подразумевается отношение к смыслу как к результату осуществления спонтанного творческого акта помещения первичной «пустоты» бытия в некую знаковую форму, которая всегда хороша исключительно своей «пригнанностью» к другим таким же формам и не претендует ни на какую референтность или общеобязательность.

Следует резонно заключить, что в русле всякой возможной беседы об особенностях смыслообразования, уже непосредственно связанного с существованием механизмов современной клиповой самоидентификации, данные рассуждения могут выступать одновременно отправной методологической точкой и решающим предлогом для некоторых существенных добавлений.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Одно из подобных вероятных добавлений относится к области происхождения того условного субъективного «желания», в силу наличия которого усредненный обладатель клипово организованного Я в наши дни вообще дает себе труд принять более или менее осознанное решение по поводу того, что имеет (или не имеет) значимый культурный смысл, а также по поводу определяющейся конкретики этого смысла.

На фоне последствий глобального перехода человечества к цифровым, «электрическим» и визуальным формам хранения и передачи информации, а также на фоне складывания новой информационно-технологической парадигмы постепенно осуществился и масштабный переход от мышления, ориентированного на анализ понятий, к мышлению, ориентированному на сопоставление образов, т. е. к клиповому мышлению. По причине данного обстоятельства ясно, что любое желание (включая желание приобрести к взаимодействию с культурными смыслами) человека, рассуждающего тотально образно, не может не быть в максимальной степени сущностно, природно пораженным тем странным феноменом, который С. Жижек метафорически называет «чумой фантазий» и который заключается в перманентном затуманивании здравого рассудка пугающими, стыдными, чарующими, прекрасными, омерзительными и прочими фигурами свободного от ограничений воображения [6, с. 31].

Это значит, что в конечном счете речь идет о неизбежности соприсутствия во всяком навязчивом в своей устойчивости образе, которым руководствуется клипово организованное Я, глубинных интенций сразу личного бессознательного и всеобщего идеологического (здесь использование термина «идеология» является двойной отсылкой как к области действия культурных архетипов, так и к сфере функционирования искусственно сконструированных теми или иными общественными структурами либо спонтанно возникших в качестве эмерджентных последствий их работы поведенческих установок и гештальтов), о перманентной визуализации этого соприсутствия в продуктах культуры и о фактической замене самой реальности ее идеологически предзаданными (через бессознательное) образами.

В отношении мышления, ориентированного на анализ понятий, вопрос о возможности редукции эффектов «чумы фантазий» является правомерным, поскольку такого сорта анализ по определению, во-первых, критически направлен не только на свой предмет, но и на самого себя и, во-вторых, своим главным инструментом имеет именно понятия, а не образы. В то же время мышление, исключительно сопоставляющее образы, склонно принимать их навязчивость и «яркость» за удовлетворительные обоснования их логической и онтологической влиятельности.

Для клипового мышления и клипово организованного Я в целом «чума фантазий» становится самодовлеющим феноменом, который способствует вытеснению всех необразных форм мысли, в результате чего вообще реальность начинает выглядеть для такого Я как пространство, всегда открытое для различных идеологических построений, свободное для них (изначально очищенное «под них»). Другими

словами, ни одна устойчивая фантазия, привязанная к значимым для клипово организованного Я образам, по сути, не функционирует в роли всего лишь вспомогательного элемента «внутри идеологии» как «фантазийного сценария» [6, с. 38], но работает на выведение каждого из подобных сценариев в качестве полноценной замены реального.

Причем гипотетическая множественность таких сценариев автоматически подразумевает эквивалентность их взаимных преобразований (в том отношении, что ни один фантазийный сценарий не лучше и не хуже другого и любая реальность имеет «естественное» право на существование). Последнее рассуждение можно в целях уточнения его содержания проиллюстрировать высказыванием того же Жижека: «...В игре видимостей происходит не просто исчезновение субстанциальной реальности; скорее, в этом смещении сама несводимость видимости к своей субстанциальной опоре, ее «автономия» по отношению к ней, порождает собственную Вещь, истинную «реальную Вещь» [7, с. 136].

В прежние исторические («доклиповые») эпохи носители понятийного мышления изобрели идею литературы как области программируемого включения человечества в логику того или иного последовательного смыслообразования, в некоторые специфические грамматические, дискурсивные практики [8; 9]. Однако данная идея в ее классическом виде в значительной степени чужда носителям клипового мышления и обладателям клипово организованного Я в силу всех их свойств разом. Мысль, построенная по преимуществу вокруг сопоставления образов (в условиях свободного доступа к технологическим возможностям окружающей информационной среды), изобретает идею сетевой литературы как поля становления так называемой «культуры соучастия» [10, с. 24], как важнейшей сферы интерактивного взаимодействия (в Интернете) потребителей символического контента по поводу его распространения и умножения.

Сетевая литература (в отличие от литературы прошлого) является показательным примером того, что Ж. Делез называл ризоматической структурой, т. е. таким способом организации смыслов, в котором нет ни начала, ни конца, ни истока, ни корня и в котором смыслы вечно движутся «между вещей», выступая не знаками какой-либо стабильной преемственности, но воплощениями альянса бесконечного количества случайных конъюнкций [11, с. 44]. Сетевая литература — это пространство абсолютного самовыражения подсоединившихся к ней реагентов, даже не обязанных, кстати, трактовать данный поступок с использованием категории «смысл». Кроме прочего, само существование сетевой литературы можно рассматривать в качестве свидетельства невозможности конституирования значимых смыслов вовне технических, электронных сред, а также в качестве формы отрицания идеи необходимости какой бы то ни было грамматики (включая грамматику базового, «родного» языка реагентов) [12]. И если предельным воплощением литературы можно было считать книгу, то концептуальным фокусом сетевой литературы становится фанфик.

Следует теперь заметить, что ризоматическая логика фанфика, в отношении которой любые попытки дискурсивной археологии обнаружить какие-либо отчетливые сле-

ды «позитивного» a priori [13, с. 244] или не перемешанных культурных слоев смысла были бы по большей части безуспешными, как раз и выступает фактической актуализацией захваченного «чумой фантазий» желания, одновременно обнажая презумпции стоящих на повестке дня идеологий и позволяя тому или иному (co)автору фанфика всю «вечность настоящего» [5, с. 448] пребывать во власти разрешенных ими иллюзий. Можно сделать вывод о том, что условный субъект клипового мышления и обладатель клипово организованного Я вообще дает себе труд сформировать некую позицию по поводу культурных смыслов только по причине действия в нем двух сопряженных стремлений — стремления к созданию такого фэндома, внутри которого поклонники некоторых наборов образов могли бы вечно наслаждаться жизнью, достраивая ризомы своих фанфиков, и стремления к умножению количества доступных электронных ссылок на них с целью вербовки неопитов, готовых «переехать» в желаемую реальность.

Очевидно, что в подобном отношении любой культурный смысл необходимо рассматривать в качестве решающего маркера бытийной достаточности некоторых спровоцированных «чумой фантазий» эмоциональных реакций. Речь идет о том, что если понятийное мышление признавало возможность наличия у смысла эмоциональной размерности (наряду, например, с онтологической, гносеологической, этической и прочими размерностями), то клиповое мышление не только гиперболизирует область эмоционального содержания смысла, но и, по сути, выводит все иные смысловые области как вторичные и производные от нее. Другими словами, для носителя клипового мышления смысл — это нечто, с одной стороны, случающееся только в сфере эмоционально не нейтрального (все, что эмоционально нейтрально, бессмысленно по определению), а с другой стороны, являющееся наиболее аутентичной конфигурацией становления истинно эмоционального (все, что эмоционально «задевает» на самом деле и в достаточной степени, реально).

Еще одним уточняющим добавлением к рассуждениям Ж. Дерриды и Ж. Делеза должно стать указание на неизбежное внутри всякой устойчивой позиции, сформулированной клипово организованным Я, окончательное, полное превращение культурных смыслов из «исторических» конструкций (как это было в понятийном мышлении) в «шизофренические» (как это стало сейчас).

Под термином «историческое» здесь подразумевается обязывающая необходимость трактовать смыслы, во-первых, в их систематической, концептуальной соотнесенности друг с другом (ведь можно сказать, перефразируя известное изречение Г. В. Ф. Гегеля, что все историческое концептуально, а все концептуальное исторично), в их неразрываемой последовательной взаимосвязи, а во-вторых, в контексте их имплицитной претензии, хоть в какой-то мере оставаться все-таки субстанциально, а не «мифологически» ориентированными образованиями. Однако в современном мире в силу специфики его организации «миф», как выразился Р. Барт, поглощает смысл как таковой, «похищая язык» и окончательно запутывая подлинные отношения между «историей» вещей и их «природой» (в этом контексте

«миф» можно рассматривать в качестве органичной формы согласования «клипов» друг с другом) [14, с. 281–298].

Соответственно, «шизофреническое» — это базовое проявление радикальных процессов «детерриторизации социуса» и «раскодирования потоков», с которыми мы постоянно сталкиваемся в наши дни и благодаря которым реальность становится чем-то, не то что бы совершенно невозможным, но все более и более искусственным и несамотождественным [15, с. 59–60]. Делез, кстати, обвинял в происходящем преимущественно капитализм, но, безусловно, свою роль тут играют и социальный прогресс в целом, и техника, и популярные «мифологии», и пр. В определенном отношении необходимо констатировать, что «шизофреническое» — это специфический современный способ, как, вероятно, сказал бы Ж. Лакан, «рабствования» [16, с. 56] расколотого субъекта отсутствующему курсу.

Таким образом, заявленный выше тезис о случившейся трансформации вообще смысла из «исторического» образования в «шизофреническое» предполагает отсылку к наглядному распаду самой идеи его рассмотрения в качестве закономерного итога совокупного срабатывания всех предшествующих потенций мысли в расчете на извлечение истины. Данная идея замещается сейчас пониманием смысла как постоянно возвращающейся галлюцинации, подоплека которой всегда раскрывается в виде ситуативной риторики по поводу так называемой постправды («постправда» здесь — термин, маркирующий финальную избыточность представлений об истине в логике существующей информационной цивилизации [17, с. 58]).

При этом заметим, что Делез справедливо обозначил как минимум три главных фактора вероятного «сползания» смысла (при какой-либо попытке его внятного вычленения) в сферу «шизофренических» парадоксов: во-первых, фактор отсутствия закономерных связей между смыслом и наглядными формами его выражения (например, это проявляется в том, что смысл предложения никогда не содержится напрямую в нем самом) [5, с. 44–53]; во-вторых, фактор вечного логического разрыва между «глубинностью» вещей и «поверхностностью» языка, между скрытыми «телесными» закономерностями и «бестелесным» смыслом, нагроможденным поверх реальных «тел» [5, с. 117–118]; в-третьих, фактор проблематичности концептуализации связи между случающимися событиями как идеальными смысловыми сингулярностями и смысловой структурой той истории, которую данные события формируют после того, как они случились [5, с. 76–77].

Фактически Делез пытался показать, что на фоне наличия какого бы то ни было дискурса, литературной традиции, ризомы фанфиков или общепринятой истории смысл (вне зависимости от типа мышления, его породившего) склонен дрейфовать в направлении к «шизофренике» просто в силу бытийной неизбежности постепенного обращения любого концептуального в хотя бы отчасти «шизофреническое». Эту идею можно проиллюстрировать, к примеру, обращением к окружающим нас информационным бесконечностям, в контексте действия которых ни одна система смыслов не может считаться закрытой.

Однако с учетом всего сказанного ранее о клиповом мышлении и клипово организованном Я к факторам, упомянутым Делезом, стоило бы добавить еще и фактор репрессивности навязчивого желания обнаружить смысл в том месте и виде, где и как было принято эмоционально обусловленное решение сделать это. Дело в том, что так как клиповое мышление и клипово организованное Я а priori считают легитимным допущение о возможности всерьез взять за подлинную суть любое эмоционально убедительное здесь и сейчас утверждение, то они автоматически подразумевают отношение к смыслу как к специфическому гештальту, вынуждающему искать, собственно, осмысленность не там, где она гипотетически может находиться, а исключительно там, где хочется ее искать.

Надо понимать, тем не менее, что обозначенные факторы не только не исчерпывают область вероятной «шизофреничности» смысла, но и не позволяют в полном объеме разглядеть всю картину современного превращения смысла как такового из «исторической» конструкции в «шизофреническую». Для достижения данной цели следует обратить внимание на некоторые аспекты взаимодействия клипового мышления и клипово организованного Я с концептом «история» вообще, на саму перспективу видения «исторического» сквозь уже состоявшееся «шизофреническое».

Так, всякое обращение к «истории» воспринимается клиповым мышлением и клипово организованным Я как попытка ограничить все природные (и, кстати говоря, гарантированные в таковом статусе законом и актуальным условным общественным договором) человеческие свободы разом, в том числе, конечно, свободу участвовать в формировании значимых культурных смыслов.

Это связано с тем, что, во-первых, клипово организованное Я зачастую отождествляет ситуацию реализации права и событие «наступления» («случания») нужной осмысленности осуществленных действий. Факт реализованности права означает для него автоматическое попадание в желаемую, «правильную» реальность, происходящее в которой осмысленно просто потому, что она изначально была желанна. В контексте рассуждений о формировании значимых культурных смыслов это приводит к тому, что такое Я относится к данному процессу, как к занятию самоценными творческими актами, не требующими никаких дополнительных, предварительных или сопровождающих телодвижений. Соответственно, всякая апелляция к «истории» воспринимается им в качестве стремления «затормозить» становление смысла или даже воспрепятствовать ему (к примеру, с целью последующих идеологических манипуляций).

Во-вторых, современный человек, являясь продуктом радикальной эмансипации, по большей части испытывает глубокую убежденность в том, что наряду со свободой совести, слова, передвижения и т. д. он обладает еще и свободой «онтологизировать» личное желаемое посредством формулировки субъективных точек зрения. Для него все перечисленные свободы носят однопорядковый характер (в конце концов, если уж внутри нынешнего социокультурного пространства подразумевается возможность выбора Бога на свой вкус, то, очевидно, должна существовать и со-

путствующая возможность выбора всей реальности, всех «законов природы»). В подобных обстоятельствах обращение к любой принуждающей «истории» выглядит как антидемократическое деяние, направленное против свободного эмансипированного смыслообразования.

В-третьих, в контексте «шизофренического» «историческое» в определенном отношении играет роль чуждого, а потому пугающего Иного. Именно из области «истории» клипово организованному Я приходят порой шокирующие информационные сообщения о внезапном срабатывании невидимых в силу их эмоциональной бессмысленности закономерностей, о неожиданном угасании целых ветвей в ризомах популярных фанфиков, о спонтанном распаде условий возможности текущего варианта общеизвестного и пр. В его глазах «история» опасна по причине своего гипотетического разрушительного влияния (через неконтролируемое вторжение в область его частных мнений «посторонних» и «не запланированных» смысловых конструкций) на то душевное спокойствие, с которым он странствует по желанной реальности. Для него, следовательно, «история» есть хтоническая стихия, способная не просто ограничить свободу смыслообразования, но и поглотить весь космос определившихся смыслов.

В-четвертых, «шизофреническое» (будучи самим собой) изначально предполагает предвзятую трактовку организации «исторического»: внутри него оно, как и прочие пространства смыслов, «мифологично» по умолчанию, т. е. вечно выступает псевдосистемой «утраченных референтов» [18, с. 62], по поводу которых теперь разрешены все возможные симуляции. Вследствие этого для современного человека всякая «история» равноценна другой, в том отношении, что верификация «исторических» данных трактуется им исключительно в контексте личной веры. Иначе говоря, наилучшей, «правильной» каждый раз признается та «история», которая здесь и сейчас выглядит убедительнее остальных, красочнее, драматичнее, лучше соответствует чаяниям вовлеченных лиц, сильнее интригует и т. д. Нельзя забывать и о том, что «миф» ультимативно однозначен, настойчив в своей простоте (ведь «похищенный» им язык «похищен» окончательно), и, соответственно, любая «историческая» сложность, выходящая за пределы необходимого уровня драматизма, видится здесь излишней, бессмысленной перегрузкой «сюжета». В силу этого в наши дни в процессе формирования культурных смыслов какое-либо внешнее воздействие по ограничению выбора «истории» некоторой конкретной ее разновидностью или по усложнению «исторической» логики, по умолчанию воспринимается людьми еще и как чья-то попытка победить в играх самореализации, выставив их неудачниками, как враждебный акт «нечестной» борьбы за успех в поле свободной конкуренции точек зрения.

Заключение (Conclusion)

В заключение можно заметить, что рассмотрение принципов работы клипово организованного Я с культурными смыслами как таковыми позволяет сделать вывод о том, что фактически перед современностью стоит ряд вызовов, которые выглядят достаточно сложными и даже пугающи-

ми по причине того, что человечество столкнулось с ними не только впервые, но и в силу неожиданных и не программируемых эффектов действия самой специфической логики существования Я. В частности, к этим вызовам следует отнести, прежде всего, распространение всеобщей «шизофренической» уверенности в наличии масштабных «исторических» угроз человеческой свободе.

Данное обстоятельство является достаточно показательным маркером правоты тех исследователей, которые пишут о настоятельной необходимости наконец-то «вернуть» глобальную Историю (которая, конечно, является наиболее значительной версией «исторического»), например, в политику (с целью придания последней хотя

бы доли согласованности с объективно реальным, с чем в современном мире имеются очевидные проблемы), отказаться от доктринальных репрезентаций в пользу подлинно исторических, от иллюзий в пользу здравого смысла [19, с. 8–12].

Также можно робко надеяться на то, что подобное «возвращение» Истории сработает в направлении хоть какого-то изменения существующей социокультурной ситуации, когда пассивное большинство «помещается» в нужную реальность благодаря деятельности специальных «команд профессионалов» [20, с. 19], не озабоченных общим благом, но всего лишь актуализирующих те или иные корпоративные интересы.

Библиографический список

1. Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 63–87.
2. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М. : Проспект, 2016. 256 с.
3. Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 608 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.
5. Делез Ж. Логика смысла. М. : Академический Проект, 2011. 472 с.
6. Жижек С. Чума фантазий. Харьков : Гуманитарный Центр, 2012. 388 с.
7. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М. : Европа, 2008. 516 с.
8. Борхес Х. Л. О культе книг // Соч. : в 3 т. М. : Полярис, 1997. Т. 2. С. 90–93.
9. Женетт Ж. Утопия литературы // Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 143–150.
10. Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М. : РИПОЛ Классик, 2019. 384 с.
11. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. 895 с.
12. Егоршина Н. В., Шуйская Ю. В. Дискурс сетевой литературы как уникальная модель // Военно-филологический журнал. 2022. № 1. С. 25–32.
13. Фуко М. Археология знания. СПб. : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004. 416 с.
14. Барт Р. Мифологии. М. : Академический Проект, 2008. 351 с.
15. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. 672 с.
16. Лакан Ж. Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда. М. : Русское феноменологическое общество : Логос, 1997. 184 с.
17. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
18. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : ПОСТУМ, 2015. 240 с.
19. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
20. Крауч К. Постдемократия. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 192 с.